

Более того, она может даже привести к совершенно искаженным выводам, поскольку эти же элементы могли иметь совершенно иное распространение всего каких-нибудь 50 лет назад. Составители атласа пошли по иному пути. Они картографировали каждый элемент материальной культуры по состоянию на два различных периода — середину XIX в. и на конец XIX — начало XX в. Наличие двух карт, показывающих распространение одного и того же элемента на двух различных этапах, дало возможность выявить динамику процесса, тенденции развития.

Для того чтобы иметь возможность зафиксировать на карте этнографические середины XIX в., нужно было собрать все сохранившиеся сведения, поднять полный литературный и архивный материал. Особенно ценные сведения дало изучение ответов на анкеты, в частности на анкету, разосланную Русским Географическим обществом в 1848 г. Но для успешного использования архивных сведений оказалось необходимым соответственно составить задания и для современных этнографических экспедиций. Их необходимо было построить так, чтобы они выявили материалы, легко сопоставимые с архивными данными. Таким образом, характер атласа был определен ранее, и вся последующая работа по собиранию этнографических сведений должна была быть подчинена этой задаче.

Общие принципы построения атласа были тщательно обсуждены и опубликованы в ряде статей¹. Эта заблаговременная и тщательная подготовка прекрасно чувствуется при пользовании атласом.

Выявление тенденций изменения форм материальной культуры от середины XIX до начала XX в. дает историкам возможность делать определенные заключения и об историческом развитии этих форм. Конечно, простая экстраполяция, сделанная на основании выявленных тенденций, не может дать достаточно убедительных данных. Но сравнение сведений атласа с отдельными, хотя бы даже отрывочными данными по материальной культуре более ранних этапов может послужить базой для серьезных выводов. В статьях, содержащихся в атласе, авторы пытались наметить развитие отдельных элементов материальной культуры русского народа для достаточно продолжительного исторического периода. В ряде случаев они привлекают даже археологические материалы IX—X вв. Впрочем именно выводы, основанные на них, являются наиболее уязвимыми. Археологические данные о земледелии, жилище и одежде в Древней Руси еще настолько отрывочны и настолько плохо систематизированы, что требуют самостоятельного изучения. Приводимые же в статьях археологические сведения по большей части случайны и не отражают общей картины развития форм материальной культуры IX—X вв.

Наиболее существенным недостатком атласа, который особенно почувствуют историки, интересующиеся ранними периодами русской истории, является ограничение его рамками русского населения. Для эпохи Древней Руси нельзя отделять материальную культуру населения, жившего на территории современной России и современной Украины и Белоруссии. Поэтому для более или менее широких выводов нужно иметь этнографические карты, охватывающие всю восточнославянскую территорию.

Следует отметить и некоторые технические дефекты атласа. Так, карты, показывающие распространение одинаковых элементов материальной культуры на разные даты, расположены на разных сторонах одного и того же листа, что очень мешает их сопоставлению.

Выход в свет атласа «Русские» настоятельно диктует необходимость подготовки подобных ему атласов «Украинцы» и «Белорусы». При этом очень важно, чтобы эти атласы были построены по единой системе и чтобы их материалы были легко сопоставимы. В печати уже появилась информация о том, что подобная работа проводится².

Коллектив авторов историко-этнографического атласа «Русские» свое дело выполнил прекрасно. Будем надеяться, что украинские и белорусские этнографы последуют этому примеру.

П. А. Раннопорт

¹ См., например, П. И. Кушнер (Кнышев), О русском историко-этнографическом атласе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXII, 1955; М. Г. Рабинович, Историко-этнографический атлас «Русские», «Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов. История, фольклор, искусство славянских народов», М., 1963; О. А. Ганцкая, Г. С. Маслова, Д. В. Найдич, Русский историко-этнографический атлас, «Доклады советской делегации на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов», М., 1960 (на франц. яз.).

² S. I. Bruck, W. K. Gardanow, K. G. Guslistyj, M. G. Rabinowitsch, T. A. Shdancko, L. N. Terentjew a, Grundsätze und Methoden beim Zusammenstellen regionaler geschichtlich-ethnographischer Atlanten in der UdSSR. Der VIII Internationale Kongress der Anthropologen und Ethnographen, M., 1968.

Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.). М., 1968, 348 стр.

В 1968 г. вышла в свет коллективная монография «Культура и быт народов Северного Кавказа», написанная сотрудниками сектора Кавказа Института этнографии АН СССР под редакцией В. К. Гарданова.

Монография посвящена исследованию глубоких преобразований, происшедших в жизни народов Северного Кавказа за 50 лет Советской власти. Многонациональный состав населения Северного Кавказа, различный уровень социально-экономического развития северокавказских народов в прошлом, специфика их культуры и быта — все это серьезно усложнило задачу авторского коллектива, который, однако, справился с ней успешно, создав ценный научный труд. Научное значение данного труда определяется тем обстоятельством, что он, как это указано в предисловии, является «первым опытом исследования развития в советский период культуры и быта не того или иного отдельного народа, а совокупности их в рамках целого этнографического региона. Вместе с тем авторы попытались, не ограничиваясь простым сопоставлением старого и нового быта, проследить процесс его изменения по основным этапам истории советского общества» (стр. 5).

Через всю книгу красной нитью проходит мысль, что в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти был обеспечен высокий современный уровень социально-экономического и культурного развития народов Северного Кавказа, добившихся за короткий исторический период огромных успехов во всех областях своей жизни. Авторы рецензируемой книги сумели показать эти успехи на богатом конкретном материале, в большинстве своем впервые вовлекаемом в научный оборот. Это придает всему изложению убедительность и делает выводы и обобщения авторов, как правило, хорошо аргументированными.

Изменения культуры и быта народов Северного Кавказа в советский период непосредственно связаны с бурным развитием социалистической экономики, с преобразованием общественных отношений, унаследованных от прошлого. Поэтому первая глава монографии, написанная В. К. Гардановым, и посвящена социально-экономическим преобразованиям, осуществленным на Северном Кавказе за годы Советской власти.

Глава начинается с краткой, но содержательной характеристики уровня социально-экономического развития народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Автор показывает процесс постепенного вовлечения хозяйства Северного Кавказа в орбиту русского капитализма. Этот процесс приводил к расслоению горского крестьянства, а также к появлению первых очагов нефтяной, горнорудной и перерабатывающей промышленности.

Опираясь на известное высказывание В. И. Ленина, что экономическое «завоевание» Кавказа капиталистической Россией было «не закончено», В. К. Гарданов при этом подчеркивает, что «горские районы Северного Кавказа представляли собой до Великой Октябрьской социалистической революции в общем наименее втянутую в орбиту капиталистического развития часть Кавказского края» (стр. 18).

Основное внимание в первой главе уделено исследованию процесса социалистического преобразования хозяйства и социально-экономических отношений у народов Северного Кавказа. Впервые в нашей историко-этнографической литературе автор дает обобщающую картину этого процесса, выявляя его важнейшие черты, присущие всем национальным областям Северного Кавказа. В результате привлечения нового чрезвычайно интересного и разностороннего материала В. К. Гарданов ярко и убедительно показал своеобразие социалистического строительства на Северном Кавказе, те исключительные трудности, которые пришлось преодолевать Коммунистической партии при ликвидации многовековой социально-экономической отсталости горцев.

Глава завершается характеристикой современного состояния важнейших отраслей хозяйства народов Северного Кавказа. Автору удалось нарисовать впечатляющую картину расцвета экономики национальных автономий Северного Кавказа, выявить специфику современного этапа и их экономического и социального развития.

Таким образом, первая глава монографии, исследуя в исторической последовательности общий ход социалистических преобразований на Северном Кавказе, показывает те социально-экономические основы, которые обусловили весь процесс развития культуры и быта народов Северного Кавказа за годы Советской власти.

В главе «Основные демографические процессы» (автор Н. Г. Волкова) прослеживаются закономерности изменения численности и национального состава, плотности населения, рождаемости и смертности, пути формирования городского населения в различных районах Северного Кавказа.

Н. Г. Волкова на конкретных примерах показала, что годовой прирост населения находился в непосредственной зависимости от социально-экономических условий жизни народа, от исторической обстановки. Об этом наглядно свидетельствует низкий среднегодовой прирост населения Северного Кавказа в дореволюционный период (1,34%) и высокий — за годы Советской власти.

Большой интерес представляет сделанный Н. Г. Волковой анализ изменения национального состава сельского и городского населения, а также путей формирования городского населения в связи с индустриализацией автономных республик и областей Северного Кавказа. Автор, исследуя источники пополнения городского населения, показывает, что основным из них является передвижение населения из сельских районов города и рабочие поселки своей автономии; только незначительная часть городского населения приходится на переселенцев из соседних областей. Соглашаясь с этим, заметим, однако, что рост населения таких, например, городов, как Налчык, Грозный, вплоть до 1940-х годов происходил не в меньшей степени и за счет переселения из более отдаленных краев страны.

Автор правильно отмечает, что формирование городского населения за счет перенесения жителей происходит в различных районах не в одинаковой степени. Если до осетин, живущих в городах Северо-Осетинской АССР, составляла по переписи 1959 31,7 всей численности осетин, то кабардинцев, проживавших в городах, насчитывал всего 12,1%, что меньше даже соответствующей доли балкарцев (13,8%).

На наш взгляд, автору следовало бы подчеркнуть еще одну характерную особенность этнического развития кабардинцев и балкарцев. Это сравнительно малая подвижность кабардинского и балкарского населения, отсутствие у них тяги к переселению не только в другие районы страны, но даже в города своей автономии.

За годы Советской власти разительные изменения произошли в материальной культуре народов Северного Кавказа. В связи с этим большой интерес представляет третья глава монографии «Города, селения, жилища», насыщенная большим фактическим материалом. В ней автор (В. П. Кобычев) дает довольно подробный анализ истории поселений народов Северного Кавказа до революции и за годы Советской власти, называет эволюцию горского жилища, его внутреннего убранства и способов отопления. Анализ и наблюдения автора отличаются основательностью и глубиной, свидетельствуют о хорошем знании предмета. Особенно ценный материал содержится в главе истории поселений в советский период.

Так, в частности, В. П. Кобычев показывает, какое большое внимание уделяла Советская власть переселению горцев на равнину, в связи с чем в Северной Осетии, Кабарде, Ингушетии и Карачае в 1920—1930-х годах возникло большое число новых населенных пунктов. На ряде конкретных примеров автор показывает, как переселение, коллективизация и обусловленный ими общий подъем материального благосостояния и культуры способствовали неуклонному изменению облика северокавказского поселения и жилища. Вместо прежних архаических турлунных хижин, срубов и дымных горских саклей, едва обогреваемых примитивным очагом, в селах выросли новые просторные и светлые дома с большими окнами, деревянными полами и потолками и печными а в ряде случаев и с центральным отоплением.

Несомненным достоинством третьей главы является исследование всех рассматриваемых в ней вопросов в тесной связи с социально-экономическими преобразованиями, происшедшими на Северном Кавказе за годы Советской власти. Конкретно-исторический подход к изменениям в поселении, жилище, интерьере дали возможность автору всесторонне проанализировать эти процессы, проследить их основную тенденцию.

Вместе с тем в третьей главе имеются недостаточно аргументированные или нечетко сформулированные положения. Например, на наш взгляд, требует конкретизации и фактического подтверждения тезис автора о том, что «в новых поселениях на равнине, как и в старых аулах в горах, соблюдается принцип пофамильного заселения. Родственники однофамильцы, выходя из одного аула, ущелья селились в одном квартале или занимали один конец селения» (стр. 113). Возможно, что такой порядок был в некоторых поселениях Северного Кавказа, но не следует забывать, что такие поквартально-соседские поселения представителей одной фамилии, одной патринии не всегда имели место даже в дооктябрьское время. Что же касается Кабардино-Балкарии, то здесь заселение новых пунктов происходило в основном по жребию.

С большим знанием дела написана и четвертая глава «Одежда» (автор Е. Н. Студенецкая). Известно, что традиционная одежда народов Северного Кавказа сохранялась до конца 1930-х годов. Поэтому автор подробно описывает мужскую, женскую и детскую одежду различных народов края, показывает ее сходство и различия, а также отмечает социально-экономические причины изменений, происшедших в одежде дореволюционный и советский периоды.

Примерно одинаковый уровень социально-экономического развития народов Северного Кавказа и постоянные экономические и культурные связи между ними способствовали выработке еще в дореволюционное время общих черт в горской одежде, особенно в мужской. Этот процесс продолжался и в первые годы Советской власти. Однако с 1930-х годов национальная одежда стала вытесняться городской.

В женской одежде, как правильно отмечает Е. Н. Студенецкая, более продолжительное время сохранялись национальные особенности и различия, но тем не менее в 1917 г. и в ней под влиянием различных социально-экономических факторов произошли существенные изменения. Они касались как покроя одежды, так и отдельных частей платья, головных уборов, обуви, украшений. В советский период традиционная женская одежда так же, как и мужская, постепенно почти полностью исчезла.

В четвертой главе имеются некоторые неточности. Так, *гобенец* (войлочное пальто с капюшоном) как одежда пастуха (чабана) бытовала не только у балкарцев и карачаевцев, как пишет автор, но и у кабардинцев. Под *джанэ* кабардинцы понимают нижнюю мужскую и женскую рубашки и верхнюю мужскую рубашку. Вряд ли верно, что дома старухи могли носить одну нижнюю рубаху (стр. 155). По мнению автора, ношение кожаного корсета было своеобразной «привилегией» знатных девушек (стр. 157). Не хорошо известно, что в Кабарде корсеты носили и крестьянские девушки.

Одним из самых удачных разделов книги является глава «Семья и семейный быт», написанная Я. С. Смирновой.

В главе использован огромный фактический материал, правильно и глубоко научно обобщена многогранная работа по преобразованию семейного быта народов Северного

Кавказа, по формированию советской семьи, построенной на совершенно новых социалистических началах.

Приводимый в главе материал свидетельствует о том, что преобразование семейного быта у жителей городов происходит быстрее, чем в сельской местности, но разрыв этот сокращается с каждым днем.

Я. С. Смирнова исследовала весь круг вопросов, связанных с семьей и семейными отношениями. Она хорошо показала все изменения, происшедшие в брачно-семейных отношениях, в воспитании детей, проследила те явления, которые уже не встречаются, и те, которые еще бытуют у различных народов Северного Кавказа. При этом автором сделано много тонких наблюдений, показаны общие черты и специфические особенности в семейном быту, брачно-семейных отношениях северокавказских народов.

Вместе с тем некоторые положения автора представляются спорными или требующими уточнения.

1. Видимо, нельзя согласиться с утверждением, что в конце XIX— начале XX в. семья на равнине чаще всего состояла из родителей и их неженатых детей (стр. 185). Так обстоит дело только в настоящее время. В конце же XIX—начале XX в. большинство семей состояло из родителей, их женатых сыновей и их внуков (в Кабардино-Балкарии даже в 1927 г. 50% семей состояло из родителей, их детей и внуков).

2. Нам представляется, что характеризовать брак у народов Северного Кавказа в конце XIX—начале XX в. как «покупной» неправильно. Как известно, значительная часть калыма шла на приданое, на одежду невесты; кроме того половина калыма оставалась в семье жениха как собственность невесты, калым платился в рассрочку и т. д.

3. Фиктивное похищение не только не избавляло от части расходов по заключению брака (стр. 193), но, напротив, увеличивало эти расходы: если жених похищал девушку, то за похищение он платил штраф.

4. Некоторые материалы главы требуют конкретизации, вызывая вопросы: у кого, где, когда и т. д. Так, на стр. 195 сказано, что ребенку, наряду с официальным мусульманским именем, давали и второе, национальное имя. Может быть, это и верно, но у какого народа бытовал такой обычай? У кабардинцев и балкарцев, например, такие факты неизвестны. Нельзя согласиться, что у всех народов Северного Кавказа традиционные похороны «в основном перестали быть многолюдными», что в них участвуют уже не сотни, а десятки человек (стр. 261). У кабардинцев и балкарцев похороны все еще многолюдны. Не совсем верно и утверждение о том, что в среде сельской интеллигенции и передовой части крестьянства погребальный ритуал нередко носит как бы полутрадиционный характер. В Кабарде и Балкарии в сельской местности ни женщины, ни дети на такие похороны не допускаются.

Интересна и содержательна глава «Развитие народного просвещения», написанная Т. Ф. Аристовой. В ней автор на конкретных примерах показывает состояние народного образования на Северном Кавказе в дореволюционном прошлом и огромные успехи, достигнутые в этой области за годы Советской власти.

Как видно из материалов главы, Коммунистическая партия и Советское правительство провели огромную работу по просвещению горцев. За 50 лет Советской власти Северный Кавказ стал краем сплошной грамотности: здесь имеется густая сеть школ, техникумов и вузов. В работе приведены интересные данные, характеризующие рост образовательного уровня народов Северного Кавказа. Так, число кабардинцев, имеющих высшее и среднее образование, только за период с 1939 по 1959 г. увеличилось почти в 8,5 раз. Число женщин с высшим и средним образованием за это же время увеличилось в 19,5 раза.

О подъеме культурного уровня народов Северного Кавказа свидетельствует и широкая сеть культурно-просветительных учреждений (клубов, Домов культуры, библиотек и т. д.), деятельность которых мало чем отличается от городских очагов культуры.

Со знанием дела написана и глава «Развитие литературы и искусства» (автор А. Г. Трофимова). В ней на значительном фактическом материале показан процесс становления профессионального искусства и литературы, национальных по форме, социалистических по содержанию.

А. Г. Трофимова отмечает, что замечательными памятниками устного народного творчества горцев Северного Кавказа являлись нартские сказания, народные песни. С ними были тесно связаны народная музыка, танцы, на которые в свое время обратили внимание известные русские композиторы А. А. Алябьев, С. И. Танеев, М. А. Балакирев. Что же касается литературы, то в дореволюционное время она была сравнительно слабо развита.

За годы Советской власти искусство и литература народов Северного Кавказа расцвели и приобрели огромную художественную и воспитательную силу. Кабардинцы и балкарцы, чеченцы и ингуши, адыгейцы, карачаевцы и черкесы получили свою письменность; на всех языках народов Северного Кавказа стали издаваться газеты, журналы, книги. Появилась целая плеяда талантливых писателей, произведения которых известны и за рубежом. Из самодеятельного искусства выросло профессиональное театральное искусство; многие местные драматурги и актеры получили всесоюзное признание. Велики также успехи профессионального музыкального искусства, живописи и скульптуры народов Северного Кавказа.

Книга заканчивается небольшой, но содержательной главой «Современные этнические процессы» (авторы Н. Г. Волкова, Л. И. Лавров). В ней показаны изменения этнической карты, расширение территории расселения коренных народов края, процесс национальной консолидации, сближения наций и слияния небольших по численности групп, живущих за пределами своей этнической территории, с соседним крупным родом.

Глава содержит новые, свежие данные, интересные обобщения и выводы.

Как видно из краткого обзора рецензируемой монографии, в ней подробно и систематично показан процесс развития материальной и духовной культуры народов Северного Кавказа в советский период. Вместе с тем в монографии уделено большое внимание социалистическим преобразованиям экономики, общественных отношений и различных сторон быта северокавказских народов, их этническому развитию и будущим среди них демографическим процессам.

Все это позволяет дать высокую оценку проделанной авторским коллективом работы и признать данный труд значительным шагом вперед в деле этнографического изучения наиболее важных и актуальных вопросов современности.

Г. Х. Мамбет

Т. М. Акимова, В. К. Архангельская. Революционная песня в Саратовском Поволжье. Саратов, 1967, 168 стр.

В последние годы партийная печать уделяет особое внимание вопросу воспитания подрастающего поколения на революционных традициях. Поэтому естественно, что каждая книга, открывающая новый социально и художественно значимый материал, представляет большой научно-педагогический и общественный интерес. К числу таких произведений принадлежит новый труд Т. М. Акимовой и В. К. Архангельской «Революционная песня в Саратовском Поволжье». Широко известно, что Саратовское Поволжье богато вольнолюбивым антикрепостническим фольклором. Классический фольклор этого района изучен достаточно основательно. Однако такая важная его часть, как революционные песни и песни протеста, до сих пор оставалась за пределами исследования.

Новая книга восполняет этот существенный пробел. В предисловии справедливо отмечено, что авторы впервые вводят в научный оборот большое количество революционных песен, распространявшихся в городах и деревнях Саратовской губернии в конце XIX—начале XX в. Широко привлечен и архивный материал. Следует отметить, что в числе источников был использован архив губернского жандармского управления, куда во время следствия стекались революционные песни. Любопытно, что и в ГДР сохранились немецкий демократических песен изучают фольклор Великой крестьянской войны XVI в. по архивам протоколов суда и допросов¹.

Книга делится на две части: «Дореформенные песни общественного протеста» (автор Т. М. Акимова) и «Рабочие и революционные песни в Саратовском Поволжье» (автор В. К. Архангельская). Как справедливо отмечают авторы во «Введении», обе эти части органически связывает единая цель — на материале фольклора раскрыть процесс созревания общественно-политического сознания масс, показать нарастающий социальный протест на разных этапах исторического развития.

В работе поставлена важная проблема соотношения революционного фольклора и действительности, прослежена роль традиции в становлении жанра революционной песни.

В первом разделе большое внимание уделено песням о Разине и волжских удалцах. Анализируя публикации песен о Разине в XVIII—первой половине XIX в. Т. М. Акимова выявляет два основных направления в их оценке — прогрессивное и консервативное. С этих позиций рассматриваются записи песен Н. Г. Цыганова, П. М. Язкова, С. П. Шевырева, показывается принципиальное различие воззрений на фольклор Н. И. Костомарова и Н. Г. Чернышевского.

Часть первого раздела посвящена песням о тяжелой доле крепостных крестьян, их борьбе с угнетателями. В книге раскрыт сложный процесс формирования революционных песен, которые выросли на основе старых традиционных песен, дополненных мотивами критического характера, новых сатирических и обличительных песен, повествующих о горестном положении народа, а также переходных фольклорно-литературных песен. Убедительно показано, как на первых порах использовались известные песни и впоследствии начался процесс сближения фольклорной песни и литературной.

Большой интерес представляют приведенные в книге архивные материалы, которые разыскал Д. Л. Мордовцев. Они свидетельствуют о нарастании народного протеста. Таковы, например, «Письмо» народного удалца Никиты Удалого, «Жалоба саратовских крестьян на земский суд» и др. Оказалось, что большинство известных в научном обиходе песен антикрепостнического фольклора связано с Саратовским Г

¹ См. W. Steinitz, Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten, Bd. I, Berlin, 1954, S. XXIV.